

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2017, Том 1, №4 / 2017, Vol 1, No 4 <https://liberal-journal.ru/issue-4-2017.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/02LDZ417.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шорохова С.П. Жизнь после смерти (Метаморфозы человечности) // Либерально-демократические Ценности Том 1, №4 (2017) <https://liberal-journal.ru/PDF/02LDZ417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 1 128

Шорохова Светлана Петровна

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, Москва
Заведующий кафедрой «Политических процессов, технологий и пропаганды»
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: orator3@yandex.ru

Жизнь после смерти (Метаморфозы человечности)

Аннотация. В настоящей статье анализируются связи, характерные для реального существования человеческого общества и выраженные в философских, точнее говоря, этико-психологических понятиях и категориях.

Ключевые слова: человек; свобода; человечность; будущее

Человеческое, слишком человеческое – это всегда нечто животное.

Рюносукэ Акутагава

Всё должно происходить медленно и неправильно, чтобы человек не успел загордиться, чтобы он был тих и растерян.

Венедикт Ерофеев

Для человека естественно всё человеческое, точно так же, как для зверя – звериное. Смешно делать темой международной научной конференции вопрос: «Мыслят ли животные?» Если они и мыслят, то вовсе не так, как это делает человек, да и не могут, и не должны они по-человечески мыслить. Для человека и характерно, и естественно понятие *гуманизма*, играющее важную роль в его личной и общественной жизни. Несмотря на различия между идеями и научными концепциями, остается неизменным статус гуманизма – быть мировоззрением личности и одновременно мерилom ее зрелости. Результаты попытки превратить зверя в человека прекрасно описаны Г. Уэллсом, М. А. Булгаковым и многими другими.

Истоком понятия «гуманизм», по-видимому, является более древнее и «обыденное» понятие гуманности (от лат. *humanus* – человеческий) как формы бытия в этом мире, характерной именно для человека, в отличие от других известных нам существ. Стихийное, а иногда и сознательное осмысление человеком меры своей гуманности – реальный факт человеческой истории. Нынче делаются попытки, пока что, слава Богу, теоретические, превратить человека в «робота», в какое-то новое «транссущество». Попытки, даже практические, создания нового «сверхчеловека» далеко не новы. В соответствии с «новыми» веяниями в области теоретического осмысления жизни происходят и новые метаморфозы понятия человечности.

Неволя

Важнейшим атрибутом человеческого существования является пара «неволя-свобода», теснейшим образом связанная с понятием гуманизма. Это своеобразный «минус» и «плюс», характерные именно для человека. Они слиты и не существуют один без другого точно так же, как смерть и жизнь. Подобно тому, как зло подвергается порицанию, а добро всячески превозносится, оценивается и эта пара. Естественные для человека оценки применяются и в этом случае, как во всех остальных. Было бы странным, если бы люди могли хоть иногда судить обо всём с точки зрения, например, василька, таракана или кенгуру. Тем не менее, не прекращаются попытки взглянуть на мир глазами «иногосударства», отличающегося от человека, в первую очередь тем, что оно стоит на более высокой ступени развития.

Часто преподносится как факт то, что животные в неволе грустят, не желают плодиться, всячески чахнут и не живут так долго, как могли бы. Вообще говоря, есть повод в этом сомневаться, но для человека, конечно же, неволя – плохо, а воля – хорошо. Человеческая жажда воли подобна стремлению к свету из тьмы крошечной. Однако речь здесь не о свободе и неволе как таковых, а о связи этих понятий с изменениями понятия гуманности. Как смысл этих понятий остается неизменным, так и сущность гуманности не может быть подвергнута изменениям. Однако её «форма», тем более способы её трактовки со временем изменяются, как и сам человек.

В начале – стремление из неволи к свободе, «гуманизация» человека, погрязшего во тьме своих пороков. Смысл человеческого поведения видится в стремлении ко всему светлому, в конечном счете, к светлому идеалу, чётко сформулированному позже окрепшим гуманизмом, распространившимся уже в виде учения. Это всего-навсего лишь стремление человека вырваться из неволи звероподобного существования, которое, по мнению особей, научившихся теоретизировать, он влачит. О гуманности стали много думать, её стали обсуждать и выражать свои рассуждения о ней в форме художественных и научных произведений, философских трактатов. От наскальных рисунков, изображавших животных и картинки охоты на этих животных человек устремился к свободе, в частности, через особую философскую категорию «гуманизм».

Случилось так, что (по крайней мере, на Западе) примерно в это же время окончательно утверждается понятие единого (одного) бога-творца, оформляется и крепнет религия, кстати, содержащая в себе те же незабвенные «плюс» и «минус». Понятие «человеческого» сливается с понятием бога-творца (например, сура 114 Корана под названием «Люди» гласит: «Скажи: «Прибегаю к Господу людей, царю людей, Богу людей, от зла наущателя скрывающегося, который наущает груди людей от джинов и людей); и эти понятия остаются «неразлучными» по сей день, порой вводя в заблуждение, особенно ярых и трепетных исследователей человеческой деятельности и психологии. Ведь в этих теоретических исследованиях применяются термины почти равной степени общности. Не мудрено, что постоянно предпринимаются попытки определить один из них через другой.

Единобожие не привнесло в гуманизм ничего принципиально нового по сравнению с многобожием, однако, религия стала надёжным прибежищем и оплотом гуманизма. Одна из самых привлекательных его форм – христианский гуманизм, провозглашающий, в частности, что:

- человек есть существо бесконечное и свободное;
- любовь к Богу есть и любовь к человеку;
- человек есть полнота творения, обращенность к человеку есть обращенность и ко всякой твари;

- царь всего сущего – Богочеловек (Иисус Христос);
- человек, как данность, есть существо двойственное.

Лучше сказать о человеке, пожалуй, и невозможно. Однако представители христианства реально пролили реки человеческой крови «во славу Бога и Добра», не говоря уже о мусульманах. Всё те же присущие человеку «минус» и «плюс» продолжают свою вечную игру в любой религии и без оной.

В общем-то, похвальное стремление человека к свободе дало некоторые странные, и даже нелепые результаты. Однако о них будет сказано несколько позже.

Свобода

Свобода – это атрибут человека? Можно, конечно, рассуждать и таким образом, особенно если речь идет именно о понятии «свобода». Однако здесь оно играет вспомогательную, хотя и очень важную роль. В данном случае стремление человека к свободе рассматривается как одна из форм его устремления в будущее, попытка увидеть, «что же будет дальше». Здесь отчетливо проявляется еще одна неразрывная, сугубо человеческая пара высшей степени общности: «жизнь-смерть». Живые не знают, да и не могут знать, что будет после смерти, ибо «оттуда никто не возвращался». Все красивые, поглощающие человека картины воскресения, реинкарнации и т. п. необходимы ему и вполне для него естественны.

Именно с парой-единством *жизнь-смерть* связан зримый «выверт» гуманизма как формы устремления человека в будущее, ярче всего выразившийся в экзистенциализме и, в частности, у А. Камю. (Его предшественник и «духовный учитель» Ф. М. Достоевский не раз показывал, каковы результаты, ярой практичности этой устремленности, например, в романе «Бесы» (см. [2])) «Прорыв к свободе» выразился в том, что многие мыслители, представляющие различные направления, вдвинули тезис, согласно которому мудрость мира состоит в том, чтобы научить человека не бояться смерти, превращающей жизнь человека в трагедию бессмысленности. Длится век, переполненный войнами, болезнями, массовыми убийствами и самоубийствами. Сама историческая ситуация удобряет почву для «Чумы» А. Камю, расцвета и битвы его Абсурда и Бунта, первый из которых выражает происходящее (в жизни), а второй – попытку человека уйти от неизбежности (смерти). Абсурд есть несоответствие между естественным порядком вещей и фактическими событиями, Бунт – человеческая попытка оправдания своей жизни в утратившей смысл противоречивой действительности. Сдавленному тисками абсурда человеку не на что опереться кроме собственного бунта, подчеркивающего величие абсурда. Радикальный выход из замкнутого круга – самоубийство. Вот и достойный итог стремления к свободе! Согласно такой точке зрения (четко выраженной А. Камю), человеку следует отказаться от надежды на будущее, научиться умирать, чтобы обрести свободу, которая есть результат выбора, а любой выбор одинаково хорош, если он сознателен... В итоге, само понятие свободы становится парадоксальным. Великий круг замкнулся. Человечность освободилась от звероподобия и дошла до оправдания самоуничтожения. Кириллов в «Бесах» Ф. М. Достоевского провозглашает: «Я убиваю себя, чтобы показать и новую страшную свободу свою» [2].

Совсем скоро гуманизмом будет сделан новый, радикальный шаг, после которого, кажется дальше шагать уже некуда. Зачем рожденному в этом абсурдном мире человеку медленно гнить и размышлять о самоубийстве? Ему следует поступить намного проще – отказаться от всего человеческого, другими словами, перестать быть человеком. Начать следует с чего-нибудь простого, что близко каждому человеку, например, оказаться от деторождения. (Это не выдумка поэтов-фантастов. Уже реализуются реальные чайлдфри-

проекты.) У нового «мыслящего и действующего» существа не будет понятий пола, родины, свободы, добра, зла и т. п. Логика заменится подходящей прото- или транслогикой и самое понятие парадокса исчезнет. Достойный плод развития гуманизма!

Трансгуманизм

Пожалуй, сейчас можно говорить о «новой» форме устремлённости человека в будущее – трансгуманизме. Немного раньше этой «асаны» гуманизма взметнулась и до сих пор еще держится волна глобализма. После мрачных «бунтов» и «стремления к смерти» экзистенциалистов это, по-видимому, самый яркий фортель гуманизма в современном мире. Чуть ли не главное уродство этой формы человеческой деятельности состоит в *отказе от всего человеческого*. Отказ принимать пищу (объявление голодовки) – это еще мелочь, а вот быть способным, но реально отказываться иметь детей – это уже серьезно. Женщина, не родившая человека, вряд ли может считаться настоящей женщиной. В таком утверждении нет ничего странного. Для человеческого существа есть только один способ «жизни после смерти», одна реальная возможность «продлиться» в будущее – оставить после себя своего живого ребенка. Это касается как женщин, так и мужчин. Бывают, правда, другие варианты, например, «Муки ада» Акутагавы, но это редкие исключения, не опровергающие закон.

Прежде чем говорить о трансгуманизме, стоит упомянуть, о фашизме и его разновидности – радикальном коммунизме, которые являются, по моему мнению, ближайшими предшественниками, «младенческой формой» трансгуманизма. Свой «отпечаток» фашизм оставил и на разработанной А. Камю метафизике Абсурда и Бунта как единства противоположностей (всё те же «-» и «+» человеческой природы). Довольно короткий и бурный расцвет фашизма имел хорошую подпитку – Вторую Мировую Войну, последовавшую чуть ли не сразу за Первой. Тяга человека убивать другое живое существо укрепилась, гипертрофировалась и стала превращаться в одну из привычек. Именно в рамках фашиствующего гуманизма делались одобренные на самом высшем государственном уровне попытки реально вывести «нового человека». Как в древней Спарте делали воинов? Это романтика по сравнению с методами создания «сверхсущества» адептами фашизма, а тем более, представителями трансгуманизма.

Современный, цивилизованный человек, гуманный и просвещенный, категорически не согласен ни с природой, ни с Творцом. Согласно новейшей западной трансгуманистической парадигме, человек должен жить максимально долго, оставаясь при этом молодым. Достичь физического долголетия и затем, возможно, бессмертия предлагается самыми разными способами, как правило, противными человеческой природе. Согласно трансгуманистической системе взглядов, старость, а тем более смерть – это зло. (Экзистенциалисты не отличались подобным радикализмом. Здесь чувствуются нотки фашизма). Это зло можно преодолеть с помощью новейших технологий. В обществе недалекого будущего не останется никаких противоречий – гендерных, социальных философских и т. д. Традиционные границы настолько стираются, что нет смысла говорить о различии между мужчиной и женщиной, стариком и ребенком, одним человеком и другим... Всё это похоже на сказку, сочиненную человеком неизлечимо больным шизофренией. Однако это не фантазии. Трансгуманизм создает свои ценности, убеждения, проекты, книги, манифесты. Конечно, их не воспринял бы древний индус или древний египтянин, но извивы гуманности продолжают, словно стремятся к какому-то неизвестному идеалу. Пора отнести к категории зла противоположность «живое-неживое». Пара «жизнь-смерть» только мешает движению к Истине!

Для человечества надумана еще одна «беда» не меньше чумы. Нынче часто озвучиваются прогнозы «маститых ученых, согласно которым искусственный интеллект скоро

может стать саморазвивающимся и выйти из-под контроля человека. Человек, живший, даже в двенадцатом столетии после Рождества Христа вряд ли бы их понял. Конечно, ему показалось бы удивительным то, что «железяка» дружески пожимает руку человеку. Пусть «компьютер обыграл шахматного чемпиона». Это же чистой воды шоу! Ведь программу для этого компьютера написал отнюдь не робот-одиночка.

Вполне возможно, что человечество станет лишь подсистемой новой суперсистемы – «Всеобщего интеллекта». Трансгуманизм как раз и исследует возможную ситуацию обретения цивилизацией иного субстрата, нежели человек. Однако осуществление подобных прогнозов видится как самоотрицание человека, как зло требующее активных превентивных мер по его недопущению.

Гуманизм победил (или продолжает побеждать, как добро продолжает побеждать зло), но это победа весьма странного свойства. Возможно, он будет побеждать и далее. Когда «остановится стрела времени – а такой сценарий жизни Вселенной серьёзно рассматривается людьми учеными – уже будет всё равно, побеждать или терпеть поражение. Простецкое выражение «Да есть да, нет есть нет, а всё остальное – от лукавого» потеряет смысл и исчезнет. Человеку гуманному свойственен подобный глобализм. Гораздо сложнее сделать что-то единичное, пусть мелкое, но хорошее! Ведь пока еще человек остается сотворенным из праха, а не загадочной антиматерии...

Согласно Библии Создатель «устыдился в себе самом», увидев, что вытворяет созданный им человек. Один философ тонко заметил, что Он вряд ли смог бы однозначно ответить, обладает ли Он сам свободой воли. А Бог гуманист или трансгуманист? Что касается человека, то он обречен быть свободным, и его душа – единственное поле, на котором решался, решается и не перестанет решаться вопрос о будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акутагава Р. Малое собрание сочинений. М., 2010.
2. Достоевский Ф. М. Бесы. М., 1994.
3. Ерофеев В. Оставьте мою душу в покое: Почти всё. М., 1995.
4. Камю А. Избранное. Ростов-на-Дону, Феникс, 1998.
5. Камю А. Миф о Сизифе. В кн.: Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки. М., Радуга, 1990.
6. Посторонний. Чума. Падение. Рассказы и эссе. М., Радуга, 1988.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М. 1880.
8. Camus A. Essais. Paris, 1965.
9. Camus A. L'etranger. La peste. M, Editions du Progres, 1969.

Shorokhova Svetlana Petrovna

Institute of world civilizations, Russia, Moscow

E-mail: orator3@yandex.ru

Life after Death (Metamorphoses of humanity)

Abstract. Connections characteristic for existence of mankind are considered. These are expressed in philosophical, more strictly speaking, ethical and psychological notions.

Keywords: man; freedom; humanity; feature

REFERENCES

1. Akutagava R. Small collected works. M., 2010 (In Russian).
2. Dostoevsky F.M. Demons. M., 1994 (In Russian).
3. Erofeev V. Leave my soul n rest: Almost everything. M., 1995 (in Russian).
4. Camus A. Essais. Paris, 1965.
5. Camus A. L'etranger. La peste. M, Editions du Progres, 1969
6. Camus A. Selected works. Rostov-na-Donu, Feniks, 1998 (in Russian).
7. Camus A. Theatre, recit, nouvelles, Paris, 1961.
8. Camus A. The Stranger. Plague. Fall. Tales and Essays. M., Raduga, 1988 (in Russian).
9. Dostoevski F. Writers diary. M., 1880 (in Russian).